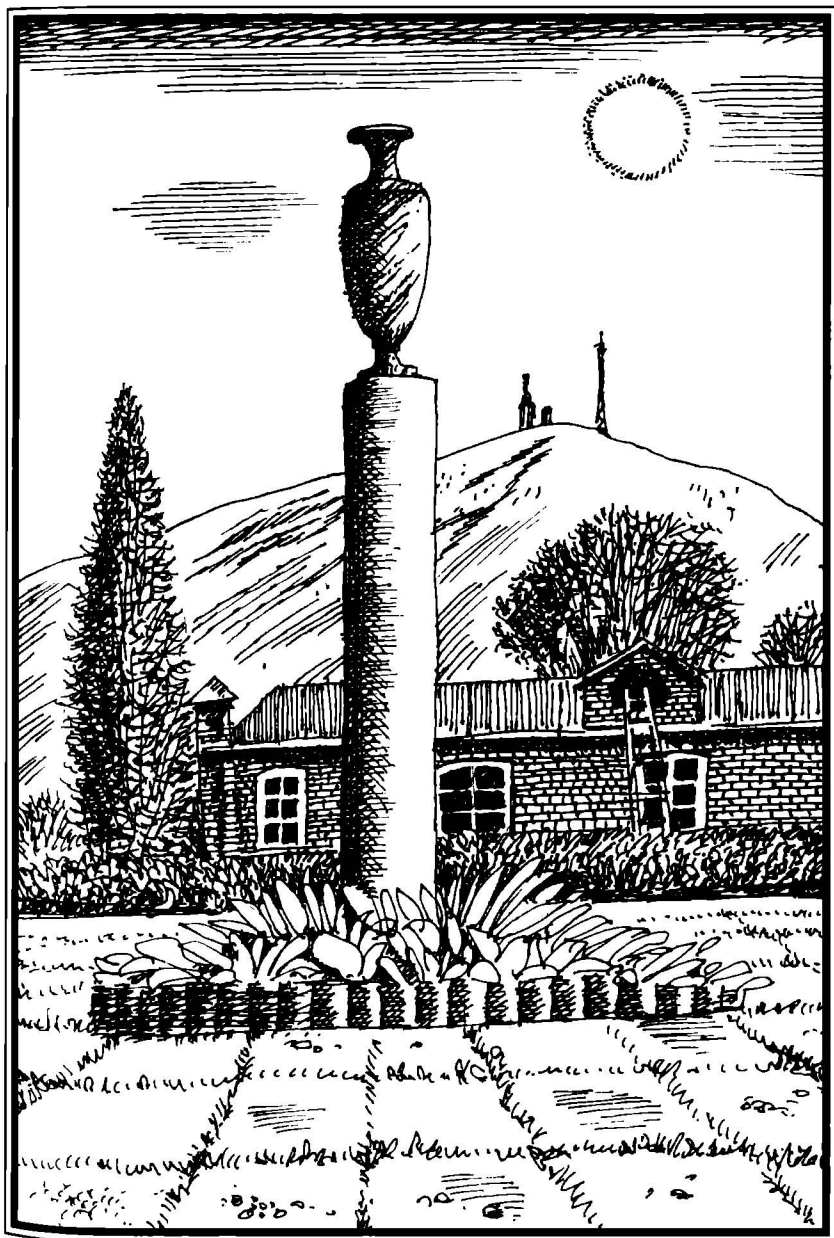
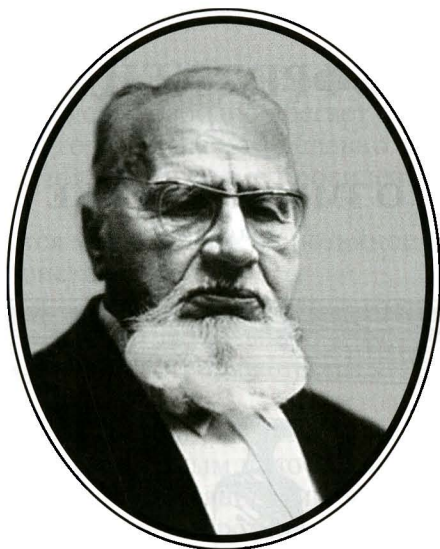

АЛЬФРЕД ХЕЙДОК

О ЗМЕИНОГОРСКЕ

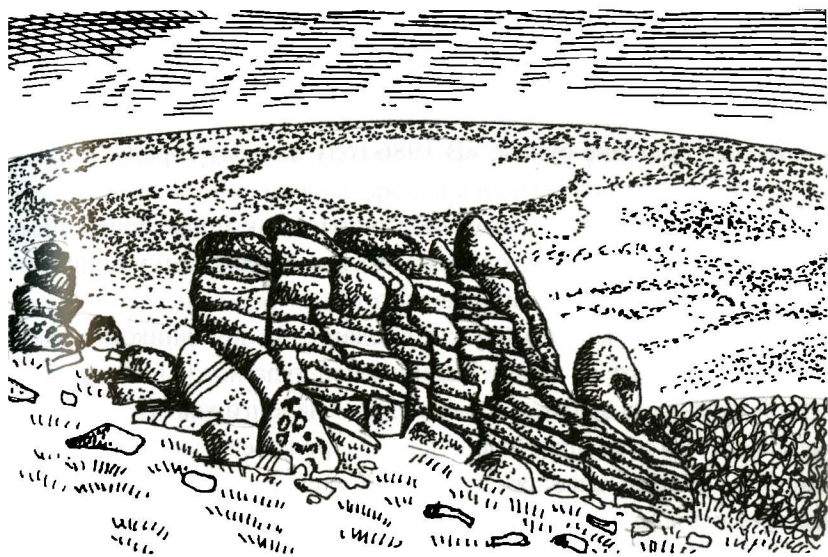
Очерк

АЛЬФРЕД ПЕТРОВИЧ ХЕЙДОК
1892–1990

Родился в Лифляндской губернии, на хуторе Долес близ г. Цесис. Участник Первой мировой и Гражданской войн. С 1920 г. – в эмиграции в Харбине, с 1940 г. – в Шанхае. Первый рассказ А.П. Хейдока «Человек с собакой» был опубликован в 1929 г. в декабрьском номере эмигрантского журнала «Рубеж» (г. Харбин). Известность писателю принес сборник рассказов «Звезды Маньчжурии», вышедший в 1934 г. с предисловием Н.К. Рериха в нью-йоркском издательстве «Алатас». А.П. Хейдок был последователем учения Рериха, одним из немногих получил из рук великого философа и художника особый перстень ученичества. В 1947 г. вернулся в СССР. Последние годы жизни (1981–1990) провел на Алтае, в г. Змеиногорске. Похоронен в Змеиногорске. С 2004 г. почитателями творчества А.П. Хейдока в Змеиногорске проводятся Хейдоковские чтения.

— Лучше нашего климата нет! – сказала местная жительница. В голосе ее звучала покоряющая убежденность.

Но меня и не надо было убеждать – я уже успел влюбиться в этот небольшой город, расположившийся, как в чаше, посреди холмов. По склону одного из них он ползет вверх и двумя улицами, кое-где разветвляясь, исчезает за невысоким перевалом.

«Маленькие деревянные домики и большие огороды», – так охарактеризовала его моя спутница. Везде много зелени, старые деревья, черемуха, у окон домиков – сирень. Эх, пройтись бы по этой улице вечером в начале лета, когда все тут цветет и благоухает!

И ни одной заводской трубы! Кто говорит, что тут десять тысяч жителей, а кто – что двадцать. Это районный центр, в нем имеются и кино, и детская музыкальная школа, и своя газета, и автовокзал, откуда разбегаются рейсы в разные стороны, в том числе на месторождение алтайских самоцветов – Колывань, родину уникальной Царицы ваз (Эрмитаж). Напомним – ваза сделана из монолитной глыбы, а диаметр ее что-то более пяти метров! Отсюда до Колывани сто двадцать километров.

Мы сидим на краю города у подножия круто поднимающегося холма. На вершине соседнего холма поблескивают на закатном солнышке большие буквы: «В 1986 году нашему городу Змеиногорску -250 лет».

Бабушка, – обращается моя спутница к проходящей мимо нас старушке, – на этой горе (она указывает на холм, у подножия которого мы сидим) земляника растет?

Растет, да коровы ее всю поедают. За земляникой дальше надо ходить. Вот я, захочу малины, вон туда хожу. Она махнула рукой куда-то на запад. – Нарву ведро – надолго хватит.

По словам старушки, коровы здесь бродят самостоятельно, без пастуха, и сами приходят домой для очередной дойки. Качество молока меня восхитило.

Другая женщина, домик которой стоял на берегу речки Змеевки, сообщила, что вся почва под городом золотоносная и что она сама в дни молодости помогала отцу намывать золото на Змеевке.

Теперь это запрещено, – пояснила она. Сосед (она назвала фамилию) начал было заниматься этим промыслом, так его вызвали к властям и пригрозили наказанием. Но когда дело дойдет до женитьбы сыновей, я все равно на обручальные кольца им золота намою.

В этом городе из кранов водопровода льется вода чистая, как слеза, и ни в каком хлорировании не нуждается.

Но самое удивительное – в этом городе нет преступности, нет злостного хулиганства!

Конечно, иногда молодежь подерется, а так мы можем спать с открытыми дверьми, – заявил мне один гражданин.

Уходя из своей комнаты в гостинице, я попросил ключ, чтобы запереть двери. Оказалось, ключи давно растеряны жильцами, а запереть двери нет никакой надобности – никто чужого не возьмет.

И, действительно...

Но такая аномалия требовала объяснения. Как так? Весь мир стонет от нарастающей преступности, ищет способы борьбы с нею, а тут – нет преступности!..

Сухологичное объяснение быстро было найдено: здесь нет промышленности, значит нет и пришлого элемента, текучести кадров и т. п. Но истинную причину я узнал только при отъезде, на автовокзале, когда я разговорился с интересной словоохотливой дамой. За десять минут разговора с ней я узнал о городе гораздо больше, чем за всю неделю пребывания в нем.

Она рассказала, что коренные жители города – старообрядцы, которых здесь называют кержаками, так как их предки когда-то жили по реке Керженец на Урале. Каждый второй дом в городе – дом кержака. Их селения разбросаны в более отдаленной от города окрестности, где они до сих пор сохраняют свой веками установленный быт и нравы. По-прежнему, если иноверец попросит у них воды напиться, дадут, но посуду, которой коснулись губы иноверца, считают оскверненной и разобьют ее. Раз в год они приезжают в город: закупают муку, соль, спички и другие товары на весь год. На своих полях выращивают, главным образом, картофель, качают мед, который сдают государству, чтобы иметь деньги на расходы. Ведут, так называемое, натуральное хозяйство. Некоторые кержацкие селения расположены в горах, и добраться до них можно только в июле месяце. Там свои порядки и...

Почва под городом золотоносная и полна микроэлементов настолько, что население города собирает в своих огородах барит и сдает его в казну. Это место при Петре Великом открыли недоброй памяти купцы Демидовы, ставшие первыми заводчиками на Урале. Каменные дома, за исключением построенных при Советской власти, – все демидовские. Они же построили плотину на речке, образовав, таким образом, водохранилище. Здесь у Демидовых были шахты, где добывали золото. Говорят, что доньше сохранился подземный ход из конторы Демидовых прямо в шахты. И теперь в шахтах добывают золото, хотят еще расширить добычу. Недавно сюда приезжал министр цветной промышленности.

Но тут подошел автобус, и повествование моей собеседницы пришлось оборвать. А жаль – наблюдательный местный житель может рассказать так много интересного! Но теперь я понял, что одной из причин отсутствия преступности в Змеиногорске, и по всей вероятности самой главной, был дух «древлего благочестия» кержацких староверов, сохранившийся, хотя и не в полной целостности, до наших дней. Именно этому духу суровой нравственности мужественных людей, не покинувших насиженные места своих отцов, чтобы сохранить свою веру, я приписываю значение главного фактора в отсутствии преступности.

«Что имеем – не храним, потерявши – плачем...» – поется в старинной песенке. Здесь мне попадались люди, которые ни во что не ставили достоинства своего города – узнав о моем желании сюда переселиться, – недоуменно и даже с некоторой ноткой подозрительности меня спрашивали:

– С чего это Вам вздумалось бросать свою благоустроенную квартиру в крупном городе и переселяться сюда? Не понимаю!

А одна женщина так прямо и заявила:

– Ну что здесь хорошего? Одна лишь картошка!

Что картошка тут замечательная – это была правда. Она вкусная, мучнистая и крупная. Хозяйка, которая нас угощала этой картошкой, рассказала, что откопала в своем огороде очень большую картофелину, побежала в магазин и взвесила ее. Оказалось, что весит она 1,5 килограмма.

Именно из-за обилия здесь картошки создалось такое парадоксальное положение, что ни в магазинах, ни на базаре ее не купишь – никому не нужна. Моя спутница обратилась к дежурной администраторше с просьбой.

– Не могли бы вы продать нам два–три килограмма картофеля? В магазинах его нет.

– Зачем покупать? Я и так, без денег, насыплю вам ведро и завтра принесу.

Километра в десяти на восток от Змеиногорска расположен поселок Черепановское. Там начинаются поросшие лесом горы и тайга. Живописное место. Забредают туда лоси и медведи. Разговорился я там со старой женщиной. Жаловалась она, что ноженьки ее плохо слушаются, застудила, перетрудила их в молодости, когда в Великую Отечественную войну приходилось ей на лесоповале работать. «Зима. Подойдешь к пихте в два обхвата. Сперва кругом нее снег в два метра глубины расчистишь, потом пилить начнешь...

Я и моя спутница попросили у нее молока испить. Привела она нас в светлую чистую комнату, поставила на стол посудину с молоком, чашку меда, краюху белого хлеба. Кушаем, пьем. Улучив момент, когда хозяйка отлучилась, шепчу спутнице: «За такое угощение платить надо». А хозяйка-то услышала мой шепот, оказалась в дверях и заявила:

– Что? Платить мне вздумали? Не было такого в моей жизни и никогда не будет, чтобы я за еду деньги брала!

Признаюсь, это гордое заявление старой женщины, несмотря на все невзгоды сохранившей доброжелательность и радушие – прекрасные черты своего великого народа, – много прибавило к ней уважения. Да послужат ей ноженьки еще долгие годы!..

В окрестностях Змеиногорска расположены процветающие колхозы. Одному из них – «Россия» – исполнилось 30 лет от роду,

29 лет председателем его состоит Шумаков. Из захудалой деревни Барановки он сделал образцовый колхоз, о котором немало написано в газетах. Но меня интересует, что говорит о нем простой народ – лучший судья. И слова этого судьи кратки и меткие.

Высокий мужчина на остановке автобуса сказал: «Шумаков шумит, но зато дело делает». А другой, тут же рядом стоящий, добавил:

Там самый плохой колхозник собственную машину имеет.

Выразительно. Лучше не скажешь. У нас было мало времени промежутков между двумя рейсами автобуса. Оказалось, что колхоз «Россия» имеет все свое: свои школы, больницу, столовую, магазины и т.п. В продуктовом магазине девушки с модными прическами и в белых халатах отпустили нам хороший кофе и сардины, которых в городе не было. Любители модной теперь облепихи могли запивать обед в столовой колхоза ее соком. Облепихи тут много, ее и прочие ягоды разводит в большом количестве совхоз «Янтарный».

Мой очерк начался с заверения местной жительницы о превосходстве змеиногорского климата над другими. Чтобы не отнести это заверение в поговорку, что всякий кулик свое болото хвалит, привожу свидетельства двух мам. У одной дети живут в Барнауле, а у другой в Усть-Каменогорске. Обе поехали к своим детям погостить и обе вскоре вынуждены были возвратиться, так как в этих крупных городах у них начались головные боли и прочие недомогания. И обе почти сразу выздоровели, как только вернулись в Змеиногорск.

Достоинства этого уютного городка первыми оценили геологи, много повидавшие всяких урочищ нашей Родины, – выходя на пенсию, они стараются поселиться здесь.

* * *

Многочисленные города, в которых мне приходилось жить, встают в моей памяти как призраки оглушающей человека механической цивилизации, которая равно отравляет как окружающую природу, так и души людей.

Тихий городок, отделенный от железной дороги полсотней километров, но, тем не менее, обладающий культурными учреж-

дениями современного общества, стал для меня чем-то вроде притягательного магнита.

Но желающий здесь поселиться наталкивается на большое препятствие в городе ощущается сильный недостаток жилья. Конечно, выход есть – можно построить здесь собственный дом, и всякий знает, что для этого надо иметь, но не всякий имеет.

